

*О, Русь, взмахни крылами!...
Сергей Есенин*

МОСБАСС

*Литературно-краеведческий
народный журнал №1*

*г.Сокольники Тульской области
2007 г.*

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: «МОСБАСС» ИЗ СОКОЛЬНИКОВ

Валерий Кручинин-Русич
(г. Сокольники)

Из сборника «Рассказы старого шахтера»

ЛИБИДО

Парторг шахты № 37 треста «Новомосковскуголь» Говорилин Альберт Геннадьевич, безобразно располневший мужчина лет сорока пяти, второй час разбирает свой рабочий стол от накопившихся за месяц бумаг. Некоторые он внимательно прочитывал и складывал в большую красную папку. Какие-то просто пробежал глазами и клал в папку синего цвета, а какие не читая сразу рвал и бросал в стоявшую справа от него корзину для мусора. С полгода назад его перевели на нашу шахту из соседнего района, где он занимал должность чуть ли ни первого секретаря райкома. Слухи ходили, что попал там в какую-то темную, нехорошую историю. До суда дело не дошло, но насиженного места своего лишился. Правда, оставшиеся наверху друзья, быстро подыскали ему новую синекуру.

По образованию Альберт Геннадьевич был горный инженер, но производства не знал и шахты боялся. Привезут его к нам на «дальний север». Горный мастер лаву остановит. Он по ней с закрытыми глазами, как спринтер, промчится. На сборном штреке дух переведет и по громкоговорящей связи командует: «Включить комбайн!! Счастливо отработать!» И зачем приходил?!

Но в партийных делах толк знал. Как только секретарем у наших коммунистов стал — моментально там порядок навел. Начал с взносов. Кого на партбюро вызывал. Кому отпуска с лета на зиму переносил. А самым злостным неплательщикам (в основном сильно пьющим) премии выписал, чтобы эти самые взносы заплатили. Правда, деньги им не доверил, они только в ведомости у кассира расписались. Идя на встречу XXV съезду КПСС, обязал всех без исключения работников шахты отработать по три выходных дня в подшефном колхозе. (Даже наш старенький директор на коленях, с расстегнутой ширинкой, километровую грядку свеклы самолично пропалывал). Кто призывы его игнорировал, того «рублем бил». Лишал выслуги лет и тринадцатой зарплаты. А это тебе не хухры-мухры. По тем временам — деньги немалые. Надо же, каким крутым мужиком оказался. Не смотри, что на пельмень похож.

В кабинет кто-то постучал, вернее поскребся. «Ну, кто там еще? Войди!» — раз-

драженно повысил голос Альберт Геннадьевич. Дверь чуть-чуть приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась лысая, безбровая голова с бегаящими глазками и белыми, как у поросенка, ресницами.

«А, это ты Колдунов. Чего тебе?!» — недовольно спросил хозяин.

«Да я, товарищ парторг, по личному делу» — вкрадчиво проговорил вошедший.

Николай Васильевич Колдунов работал крепильщиком на монтажном участке. Горняк старый. Опытный. Его фотография годами висела на доске почета. Хотя жилы в шахте, прямо скажем, не рвал. То от профсоюза по конференциям разъезжает, то по партийной линии в какой-то комиссии заседает. А как-то народным заседателем в суде пристроился, так вообще в шахту спускаться перестал. Рыболов был заядлый, удачливый. И летом, и зимой — всегда с удочками. На участке ребята его недолюбливали. Тут после рабочей смены у всех одна мысль, как бы до дому доползти, а он наоборот, к парторгу — шашь! Подлещиком его вяленным угостит, тараночкой. О делах наших скорбных с ним покалякает. Недаром Альберт Геннадьевич на общем наряде заявил как-то: «Вы и подумать еще не успеете, а я уже знаю все!!!»

«Ну, проходи. Присаживайся. Что у тебя там стряслось?» — сменил гнев на милость хозяин кабинета.

«Даже не знаю, с чего начать», — потирая лысину, нерешительно проговорил посетитель. «С главного всегда начинай, Колдунов. С сути!» — поторопил Николая Васильевича парторг. «Баба моя загуляла! — взял быка за рога тот. — На садовом участке видели их, голубков». «Она у тебя партийная?» — сразу заинтересовался парторг. «Нет».

«А он?» «Кто?» «Конь в пальто, Колдунов!» «А-а-а! — шлепнул себя по лысине обманутый муж. — Нет. Он у нас на проходке работает. Костя Суббота. Здоровый такой. Белорус». «Это тот, который почетную грамоту на собрании перед президиумом порвал?» «Он! Он! Он!» — пальнул одиночными Николай Васильевич. «Ну, ладно. Иди. Мы разберемся», — сузив глаза, пообещал партийный организатор.

Константин Александрович Суббота, здоровенный детина средних лет, попал к нам в Мосбасс по набору, после окончания срочной службы. «Хотелось матери помочь. Нас ведь семеро у нее было. Одна после войны поднимала». Как-то за кружкой пива (одно время мы с ним приятельствовали), разоткровенничался он. «Думал, скоплю денег побольше. Приеду к себе в деревню и заживу с ней, как кум королю... А тут квартиру дали. Женился. Сынишка родился. Так и прикипел к этим местам».

Характером он был необщительный. Молчаливый. За смену в забое, бывало, и слова не скажет. Но проходчик классный. Работага. Ни секунды без дела не сидел. И смена закончится. И инструмент уже спрячут. Вся бригада поезда пассажирского ждет, чтобы к стволу ехать. А он клинья крепежные топором тешет. Про запас. Наделает их целый ворох. И что ни клин, то произведение искусства. Прямо, Кизи какие-то. Блин. Был еще у Кости дивный, баритональный бас и абсолютный слух. Пел он изумительно. Души наши наизнанку выворачивал. На «День Шахтера» столы во дворе сдвинем, хряпнем по «малиновскому с венчиком». Он как даст «Коногона» или «Варяга». Жены наши обречутся все. Много, если не все, они нам в этот день прощали. Супруга Константина Александровича, Нина Матвеевна (милая, скромная женщина), учительница начальных классов, воспитывала двух сыновей и мужа своего обожала.

...За неделю до указанного срока на доске с показателями работы добычных и проходческих участков вывесили огромный лист ватмана, с написанным на нем объявлением: «Третьего июля в пятницу в общей нарядной шахты состоится рабочее собрание. На повестке дня: 1. ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД над работницей лесного склада Дождиковой М. И. и проходчиком участка № 1 Суббота К. А. 2. доклад на тему: «ТЛЕТВОРНОЕ ВЛИЯНИЕ ЗАПАДА». Докладчик т. ГОВОРИЛИН А. Г.

Мария Ивановна Дождикова работала у нас на шахте крановщицей на лесном складе. Худенькая, маленькая, постоянно закутанная в платок или косынку. Немногословная и незаметная. Фамилию при регистрации брака она оставила свою, родо-

вую. Почему? Трудно сказать. Может, ее пугала зловещая, идущая откуда-то из тьмы веков фамилия мужа, и она не захотела расставаться с своей такой теплой, ласковой. Вспомните летний слепой дождик. И держалась за свою девичью, как за спасительную соломинку, не поддаваясь мачехе-судьбе. Дело в том, что левая сторона ее лица была сильно обожжена. Страшный, уродливый шрам тянулся откуда-то из-за уха, до самой ключицы. Во время войны немцы при отступлении согнали всю их деревню в сарай и подожгли. Вовремя подоспевшие наши разведчики едва успели выхватить ее, крошечную и полуживую, из-под обгоревшей, мертвой матери.

...Шахта сразу разделилась на два лагеря. Мужской — в котором все были на стороне Кости и больше спорили о том, придет ли Мария Дождикова на суд. Спорили, спорили, пока не сошлись в одном: даже если она и при смерти будет, «Колдун» все равно ее на суд притащит. Женский коллектив в свою очередь разбился на три лагеря. В одном (самом многочисленном) ей сочувствовали и жалели. В другом (поменьше), категорически осуждали. А в третьем (самом маленьком) во всеуслышанье заявляли, что завидуют Машке. И вообще, лучше с черным кобелем жить, чем с этим иудой Колдуновым.

В день суда в общую нарядную шахты набилось множество народу. Все работники поверхности. (Погрузка, лесной склад, мехцех, главный подъем. Все И.Т.Р.) Ради такого случая даже смены на час сдвинули, чтобы могли присутствовать добычники и проходка. Сам директор шахты пришел и сел в первом ряду. Быстро выбрали народных заседателей. Секретаря директора — старую деву, сухую и педантичную. И молоденькую, симпатичную контролершу из О.Т.К. Обязанности судьи вызвался исполнять т. Говорилин. Его просьбу собрание удовлетворило. Из кабинета В.Ш.Т. вынесли стол. Накрыли его красным сукном. Высокий суд занял свои места.

Председатель, гневно зыряка на подсудимых (они сидели отдельно, на стульях), кратко, по бумажке зачитал суть дела и начал про тлетворное влияние. Потом перешел на американскую военщину. Вскользь коснулся героического Вьетнама. А когда, он начал плести про невыносимо тяжелую жизнь и нищету безработных в капстранах, Константин Александрович Суббота встал во весь свой немалый рост и, обращаясь ко всему рабочему собранию, произнес самую длинную в своей жизни речь.

«Мужики! Кончим балаган! Пожалейте бабу! Ни причем она здесь. Смотрю, в саду воду носит. Из колодца. А ведро конское. Литров на пятнадцать. Пойду, помогу, думаю. Пока воду таскал, она под яблоней столик накрыла. Огурцы с грядки, редиска и бутылку поставила. Выпей, Константин Александрович, говорит. Закуси. Тут ее на соседнюю дачу позвали. Выпил я, похрустел огурцом и к себе пошел. Сады-то наши рядом. И в калитке с ней столкнулись. Платок с головы сбился. Запыхалась вся. Ка-ак дал мне по ноздрям запах волос ее!!! Духмяный такой! Пронзительный! Ну, ты бы вот выдержал!!!» — неожиданно обратился он к нашему старенькому директору шахты. «Конечно, нет!» — не задумываясь, выпалил тот.

ВАЛЬТЕР

*По небу протянулся след
От звезд бесчисленных скоплений.
Их голубой, неровный свет
Волнует тыщи поколений.
Куда ведешь ты, Млечный Путь?
Твое холодное сиянье
Мне говорит:
«В тебе вся суть!
В тебе все тайны мирозданья!»*

«Космические этюды». В. Кручинин-Русич

Одноэтажный, весь в зарослях сирени и черемухи шахтерский поселок, где прошло мое детство, со всех сторон окружали терриконы. Террикон — это отвал пустой

породы. Огромная, конусообразная гора. Самая ближняя из них находилась в километре по прямой. Тихими, летними вечерами слабый ветерок приносил отсюда резкий, горьковатый запах тлеющего на терриконе угля и какие-то ухающе-бухающие звуки. В детстве этот приглушенный расстоянием рудничный шум всегда ассоциировался в моем сознании с огромным, чумазым дядькой, который, стоя на коленях, хакая, шахтерским обушком рубит уголь. Все взрослое население нашего поселка работало на шахтах. С раннего утра по дорогам, ведущим на них, тянулись многочисленные группы рабочих. Когда последняя людская волна скрывалась за поворотом шоссе, вслед устремлялись небольшие ватаги поселковой детворы. Рассыпавшись цепью, мы не спеша шли по дороге, внимательно всматриваясь в нее. Время от времени, кто-то нагибался и поднимал с земли приличный окурочек или пустой спичечный коробок. Эта «операция» имела у нас свое кодовое название — «сшибать бычки». С коробка аккуратно сдиралась картинка (все уважающие себя мальчишки в поселке коллекционировали их), а окурки можно было искурить или обменять, на что-нибудь у ребят постарше. «Бычков» на дороге валялось множество. На любой вкус. Особым шиком считалось найти пачку от папирос «Казбек». Счастливчик неделю ходил по поселку «королем».

На шахте мы первым делом заходили в рабочую столовую, где набирали полные пазухи хлеба (во всех рабочих столовых он тогда был бесплатным), съедали его и, до одури напившись колючей газировки, шли на автобусную остановку. Если автобуса долго не было — начинали сортировать свою добычу. По длине и марке. «Прима» к «Приме». «Памир» к «Памиру». «Беломорканал» к «Беломорканалу». В нашей компании никто не курил. Мы отдавали свои «бычки» деду Филиппу, безногому инвалиду, жившему в нашем бараке. Ему было плевать на марку, на размер. Раскрошит табак на газету, высушит и сыплет его в свой красивый бархатный кисет. За это он делал нам поплавки из гусятных перьев и привязывал рыболовные крючки к нашим удочкам, известным одному ему хитроумным узлом. Летом целыми днями пропадали на шахтном терриконе. У нас там даже свой штаб был — вырытая кем-то землянка. Вокруг валялось множество кусков (а то и целые бухты) бронированного кабеля, под металлической оплеткой которого находился свинец. Мы извлекали его, рубили на мелкие части, плавил на костре и разливали в приготовленные из глины формы. Так делались биты для игры в «расшибок», свинчатки (чтобы в драке с шанхайскими пацанами удар был покрепче). А если расплавленный свинец лить в воду, то получалась дробь для «поджигных» пистолетов, которые имелись у каждого из нас.

Однажды Валик Мачнев в плите гипсолита вырезал форму и отлил пистолет, красоты необыкновенной. Какой системы было это оружие — сказать трудно. Но его создатель уверял, что это «Вальтер». Спорить с ним никто не стал. Пользуясь его формой, каждый из нас отлил себе по увесисто-изящной игрушке, а «конструктора» с этого дня все стали звать — Вальтер.

Этот Вальтер — чудной какой-то был. Пойдем в Сокольнический лес за черемухой. Начинаем ветки ломать. А он чуть не плачет. Жалко ему, видите ли, красоту такую рушить. Я его раз даже чуть не побил. Во дворе нашей школы деревце росло. Сирень белая. Махровая. Сколько себя помню, когда она зацветала, все ломали ее ветки и делали огромные душистые букеты. Кажется, в классе пятом я тоже решил наломать и подарить одной девчонке охапку этих чудесно пахнущих цветов. Уж очень она мне нравилась. (И сирень, и девчонка). Я уже нагнул упругий, весь усеянный кудряво-розоватыми соцветиями сук, как налетел этот малахольный. Он чуть с ног меня не сшиб. Я разозлился и хотел было «накатить» ему. А он дрожит весь. На глазах слезы. «Прошу тебя! Не ломай сирень эту! Она ведь на Тоньку Федосову похожа!» Я присмотрелся. А ведь точно, вылитая Федосиха в праздничной школьной форме. И как я сразу не доглядел. Сирень-то эту — ей подарить хотел.

...Как-то играем в футбол. Класс на класс. Игра для нас складывалась неудачно. Еле-еле счет сравнивали. До конца оставалось минут пять каких-то. Вдруг их нападающий троих наших обводит и к воротам. А вратарем у нас Вальтер. Стоит, ладонь ко лбу козырьком приложил, в небо смотрит. Он даже не понял, что нам гол забили. Даже не шелохнулся.

Когда я подбежал с единственным желанием вклеить ему в ухо, он очнулся и заверещал: «Смотрите!!! Смотрите!!! Облако на Ихтиандра похожее!!!» А он ведь Ихтиандра этого и не видел никогда. Три раза за лето в старом клубе «Человека-амфибию» крутили. И каждый раз народу — тьма. Только на третий раз мне (как самому здоровому) удалось в очереди удержаться. Чуть не раздавили, пока до кассы дошел. А Вальтер перед самым сеансом исчез. Ждем-ждем, уже и третий звонок прозвенел, свет в кинозале потушили, а его нет и нет. В школе потом целую неделю не появлялся. Все уже думали — заболел. А он, оказывается, художникам (они в новом клубе фойе расписывали) помогал. Хвалился даже, что они ему чего-то нарисовать доверили. Но ему никто не поверил. Хотя от этого блаженного всего можно ожидать. Он две линии мелом на школьной доске чиркнет — вылитая Мария Лаврентьевна, директор школы нашей.

На всех промокашках в тетрадях — Тонька Федосова, как живая. И в фас. И в профиль. Я тоже как-то попросил нарисовать ее в своем блокноте. Он пообещал. До сих пор рисует. Мне кажется, Вальтер и сам к ней неровно дышит. Только ни ему, ни мне там не светит. Ей парень один из третьей школы нравится. Она и на катке только с ним катается. На вечерах старшеклассников, на белый танец одного его приглашает. Вальтер на эти вечера не ходит. А я был раза три. Все это видел. Но ему рассказывать не стал. Почему? Сам не знаю. Вообще, меня всегда тянуло к этому чуднику. Умел как-то он всем привычные обыденные вещи преподнести так, что они сразу приобретали таинственность, новизну. Как-то засиделись возле нашего дома до поздней ночи. Девчонки, ребята — человек десять. Истории страшные рассказывали. Вроде этой: «В одном черном, черном лесу...» Когда настала очередь рассказывать Вальтеру он, глядя в небо, сказал: «Нет ничего в мире красивее ночного неба со звездами и быть не может!» Кто-то запрокинул голову и стал смотреть на мерцающие в вышине звезды, кто-то хихикнул и покрутил пальцем у виска, остальные недовольно загудели. А я с того памятного вечера (если есть время и место) всегда всматриваюсь в усыпанную мириадами звезд, не на шутку волнующую мою душу, эту еще совсем непознанную, таинственную бездну. И каждый раз, вглядываясь в нее, мысленно соглашаюсь с Вальтером. «Нет ничего в мире красивее звездного, ночного неба и быть не может».

...К седьмому классу мы стали с ним «не разлей вода», то есть очень сдружились. Что связывало его, мягкого, интеллигентного чудика со мной — шпанистым, грубовато-прямолинейным? Не знаю. Скорее всего, наше с ним неразделенное чувство к Тоньке Федосовой. В начале учебного года отец Вальтера (он работал где-то на «золоте») прислал семье вызов, и они уехали. Вальтер обещал мне писать. Но так и не написал.

Больше мы уже никогда не встретились. Хотя он все-таки умудрился прислать мне весточку. Так необычно и красиво поздравить с днем рождения мог только Вальтер. Этот чудак не от мира сего. Срочную службу я проходил на Дальнем Востоке. В одном небольшом приморском городке. Было воскресенье, погода стояла чудесная. В двух шагах от нашей части, перекатывая огромные, серо-зеленые валы, лениво ворочался Тихий океан, и мне исполнилось 20 лет. После обеда с годками я пошел в увольнение. Городишко был чистенький, уютный. Мы посидели в кафе, погуляли по набережной и вечером пошли в матросский клуб на танцы. Проходя мимо старинного двухэтажного особняка, я прочитал вывеску, висевшую над парадным входом.

«Художественно — краеведческий музей». Какая-то непреодолимая сила буквально потащила меня к его дверям с красивыми, бронзовыми ручками. Молоденькая и очень симпатичная девчонка-экскурсовод, увидев перед собой группу двухметровых морпехов, по началу даже испугалась. Но быстро поняла, что в мире нет более галантных и обходительных с женским полом мужчин, чем русские парни из ДШБ... Выслушав за пять минут не менее сотни комплиментов, касавшихся ее рук, ног, губ, прически, фигуры и т. д., она, залившись жарким румянцем, повела нас вглубь смотрового зала. Мы подошли к большой, написанной маслом картине. «Это наш самый ценный и знаменитый экспонат»,— начала она. Нашему музею его подарил один молодой художник. Странный какой-то. Даже имени своего не назвал».

Я взглянул на картину и обомлел. Меня закачало, как десантную баржу. На переднем плане было изображено здание с большими окнами, многие из которых были распахнуты настежь. Ворвавшиеся в помещение солнечные лучи бликовали на ученических партах. Конечно же, это была наша школа. На ее просторном дворе резвились ученики. Мальчишки гонялись друг за другом. Девочки играли в «классы», крутили веревочку. На широком школьном крыльце, возле самых дверей, стояла группа старшеклассников. Девушки, парни с до боли знакомыми мне фигурами, лицами. Я и себя узнал. В глубине картины, на заднем плане, было мастерски изображено деревце цветущей сирени. Чудесным образом в нем угадывалась стройная девичья фигурка с поднятой в дружеском приветствии рукой-веткой. Под картиной была табличка с надписью: «Большая перемена в поселковой школе. Художник неизвестен».

«Может, кому-то он и неизвестен, но только не мне»,— еле-еле сдерживая бурю охвативших меня чувств, повторял про себя я.

ДОБРОВОЛЕЦ

Ах, время, время, времечко. Недавно ведь свою Галину Ивановну в первый раз в роддом на руках отнес. Она мне первенца родила. Девочку. И вот эта девочка уже платье подвенечное у зеркала примеряет. Красивая, нежная, стройная. Родная моя. Дай Бог тебе счастья. Простого бабьего счастья. Здоровья тебе, твоим будущим детям и серьезного, не пьющего мужа.

Свадьба была небогатая, но веселая. Что в этих случаях полагается, все было. Сваты оказались прекрасными. Она где-то на заводе работает, а он, как и я, шахтер. Правда, на пенсии давно. Тактичные, доброжелательные русские люди. Таких, только в такой глухомани, как наша, и сыщешь. И зять золотой. Квартиру снял. Сам весь ремонт сделал. Спасибо, доченька, что в парня настоящего влюбилась. А то вон, сколько их по базару с пухлыми рожками слоняются. И наркоманы какие-то появились. Не приведи Господь!

Жена моя с грехом пополам работу нашла. Уборщицей в мэрии. Уборщица с красным дипломом. Но выбирать не приходится. Бери, что дают. У меня, хотя и нестабильно, но на хлеб хватает. Стаж, правда, прервался. Но пенсия все равно шахтерская будет. Как-никак четверть века солнца не видел. Кто не был в шахте — тот не знает солнца. Что-то опять на стихи потянуло. Шучу. Это я так, к слову. Сын в институт поступил. Уже первый семестр отучился. А тут — ба-а-бах!!! Приехал мой гренадер домой и говорит:

— Бать, я в армию ухожу.

— Да как же так? Ты ведь в институте учишься? Отчислили? Натворил что-нибудь?

— Нет.

— Неужели сам!?

— Да, только матери не говори.

А мать узнала, в страшном крике зашлась. Война ведь в Чечне. И телевидение, как на грех, каждый вечер отрезанные головы наших мальчишек показывает. Э-эх!!! Журналиги!.. Есть ли у вас родители? Да, конечно есть. Не в пробирке же их делали. Есть ли у вас дети? Людоеды!!!

Сын попал служить в президентский полк. «Ну вот, жене говорю, — успокойся. Они дальше Красной площади не маршируют». Она на присягу к нему поехала. Все не верила, что в Москве служит. Я не поехал. Вдруг «всенародновыбранного» встречу. Натворю дел. Жена успокоилась, но, пока сын служил, к телевизору ни разу не подошла.

Три письма от него из Москвы пришло. А потом с Нижнего Новгорода стали приходиться. Из Мулино. Я сразу понял, в чем дело, но жене не сказал. Мало ли что. В командировке.

К генералу Лебедю у меня отношение сложное. Да, предал он русскую армию в Чечне. За растерзанных мальчишек сердце кровью обливается. Но если бы он Хасав-Юрт тот не подписал, увидел ли бы я своего сына? Не знаю. Он у меня не робкого десятка. Ишь, чего удумал. Доброволец. Да за кого жизнь отдавать!? За это ворье, за эту наглую, вечно пьяную и чмокающую власть?

Прости меня, Русское Воинство. Не дотянул я до генерала Раевского. Да-а. Ребята-демократы. Унизили. Обидели вы народ. А когда народ унижают — знаете, что бывает!? Не-е-ет. Убогие. Фашизм уже был. Да и не фашист русский человек по своей сути. С вами — покруче будет. Дожить бы до этого дня.

Из армии сын пришел старшиной. Повзрослевший. Худющий. Деловой. Постель за собой заправляет. Посуду моет. Картошку со мной в поле посадил. Матери запретил даже рядом появляться.

— Что дальше делать думаешь? — спрашиваю его.

— В институте восстановлюсь. Работать пойду. Учиться заочно буду.

Ну, чего нам с матерью еще надо? Да святится Имя Твое, Господи!

А осенью заявил. Женюсь! На мусульманке! Конечно, на православной бы лучше. Хотя, все мы под одним солнцем ходим. Да и женщины у них свое место знают. Не то, что мать наша, я ей — слово, она мне десять.

— Когда, сын, свататься пойдем?

— На День Шахтера.

Ночью мне жена говорит:

— Ну что, отец? Сватья богатые, как бы нам не опозориться. И как ты Москву не любишь, а ехать придется. У нас на свадьбу не заработаем.

В стольный город меня давно звали. Многие из наших там неплохо пристроились. Но как-то не тянуло в столицу. Не та Москва стала. Не русская. Да и дедулька, который нас тогда макаронами с маслом накормил, умер давно, наверное. Диву даешься, сколько азиатов москвичами стали. Но всех евреи переплюнули. Хануку свою теперь в Кремле справляют...

Ох, не русская Москва стала. Не русская.

ЛЕНЬКА ПРЯХИН

Ленька был самым младшим, одиннадцатым ребенком в семье. Его мать Пелагея Ивановна Пряхина разрешилась им на пятьдесят третьем году своей жизни, повергнув в шок все женское население нашего шахтерского городка. Четверо самых старших братьев до Ленькиного рождения не дожили. Двое погибли еще в начале двадцатых годов. Глава семьи Николай Павлович Пряхин и его супруга были ровесниками двадцатого века. Происходили они из тамбовских крестьян. Из семей крепких, зажиточных. Когда на Тамбовщине бушевало крестьянское восстание, Ленькин отец был уже

женат и имел двух сыновей. По его рассказам, их село было на стороне восставших. «И газом нас травили. И из пушек расстреливали. Тогда-то и погибли два сыночка моих. Махонькие совсем еще были»,— вспоминал девяностолетний, но еще крепкий, как гриб-боровик, Николай Павлович. После гибели первенцев у них с Пелагеей Ивановой долго не было детей, и они день и ночь молили Господа Бога, чтобы Он «даровал им чадушек». Ходила она и на богомолье, где дала клятву: какие бы ни были трудные времена, никогда не прерывать беременности. И Господь услышал ее молитву. Пелагея Ивановна после того похода по святым местам стала рожать через год.

В наши места они приехали в начале тридцатых годов прошлого века на строительство Сталиногорского химкомбината. Сам Николай Павлович еще подростком пристал к артели каменщиков. И каждый год после завершения полевых работ, уходил с ними в «отхожий промысел». Специализировался он по кладке высоченных строений. В детстве Ленька, указывая на нещадно дымившие трубы новomosковской ТЭЦ, всегда с гордостью говорил нам: «Батя мой выложил». Еще два Ленькиных брата-близнеца легли на полях сражений Великой Отечественной. Было им по восемнадцать лет.

С половиной своих братьев и сестер Ленька долго не был знаком. Жизнь разматала старших Пряхиных по всему Советскому Союзу. И только в одна тысяча девятьсот шестидесятом году, когда он пошел в первый класс, а его отец на пенсию, вся их громадная семья собралась вместе. Многие приехали с детьми.

Все Пряхины были удивительно похожи друг на друга. Среднего роста с густой шапкой волос цвета спелой пшеницы и синими, доверчиво смотрящими на мир глазами. В городке про них говорили: «На одну колодку все деланы...» Подарков Леньке навезли видимо-невидимо. От мощного, на четырех батарейках электрического фонаря, до велосипеда «Школьник». Даже балалайку подарили, на которой он удивительно быстро научился играть «Барыню». Все мальчишки завидовала ему белой завистью. Почему белой? Да потому что Ленька был добрым малым. Вся поселковая детвора выучилась управлять велосипедом на его «Школьнике». А когда шли ловить по чердакам голубей, он никогда «не закливал» свой чудо-фонарь. Перед самой своей пенсией Николай Павлович Пряхин отнес заявление в загс, и когда все дети их собрались под родной крышей, они с Пелагеей Ивановной торжественно расписались. Заодно и свадьбу сыграли. Как-никак, а без малого полвека прожили, без «толкушки» в паспорте в мире и согласии. Об этом даже в районной газете написали.

Выйдя на пенсию, работать Пряхин-отец не бросил. Его, как уникального мастера-каменщика знали далеко за пределами области. Председатели колхозов наперебой звали к себе. Но старый мастер окружающие шахтерский поселок коллективные хозяйства не особенно жаловал. Говорили, будто бы обидел его один из наших знаменитых на всю страну колхозных руководителей. Чтобы меньше заплатить, взял и забраковал его искуснейшую работу. Заодно и в райсобес на старого мастера «капнул». С тех пор с близлежащими колхозами Николай Павлович никогда не связывался. Уважал он рязанскую деревню. Со многими из тамошних председателей у него сложились прекрасные, доверительные отношения. Каждый год в середине апреля к его дому подъезжал с брезентовым верхом, весь заляпанный грязью «Газ-63» с рязанскими номерами, и Николай Павлович, отдав последние распоряжения своим домашним, убывал до самых «белых мух», как говорили соседские мужики, на «шабашку». С двенадцати лет он стал брать с собой и Леньку. Возвращался Пряха всегда к первому сентября самостоятельно. Один. Заметно подросший и по-взрослому важный. С собой он всегда привозил огромную связку сухих белых грибов, деревянный жбан цветочного меда, купленный себе на заработанные в колхозе деньги костюм к школе, подарки матери, сестрам и множество деревенских рассказов, которых хватало на весь учебный год. Хотя мы не очень-то и верили ему. Если его слушать, то в Рязани

есть такие места, где и электричества еще нет. Что парни там дерутся всегда один на один и лежачих — никогда не бьют. И что он их бессменный капитан сборной колхоза по футболу.

В школе Ленька учился «так себе». Про таких (чтобы не обижать родителей) говорят: твердый троечник или — мальчишка способный, но ленивый... Зато он в избытке был наделен домовитостью, хозяйственной смекалкой, бережливостью, предусмотрительностью. Например, у него всегда с собой была иголка с ниткой, увеличительное стекло, мел, перочинный ножик со всеми «наворотами» (в нем даже ножницы были) и еще масса на первый взгляд бесполезных вещей. Как-то в классе четвертом нас целую неделю возили в близлежащий совхоз убирать яблоки. Урожай их в тот год был неудачный. Брать домой «тормозки», нам, было строжайше запрещено. И только в последний день, по окончании работ дали «большое добро». «Берите столько, сколько унесете», — объявил пришедший проводить нас директор совхоза. Все взяли по ведру крупных, сочных, пахнущих запахами уходящего лета плодов. Водитель завел мотор и дал длинный сигнал. Мы быстро расселись по своим местам. Только Ленька, как ни старался, не мог взобраться на высокую ступеньку автобуса. Стоило ему вскарабкаться на нее, как его тут же начинало тянуть назад, и он, прижав к животу ведро с яблоками, молча, без единого звука, как стойкий оловянный солдатик, «всем прикладом» падал на землю. Мы думали дуркует. Девчонок смешит. Но когда он в третий раз загремел со ступенек, один из сторожей подошел и распахнул полы его старого отцовского пальто. С внутренней стороны к подкладке медной проволокой были пришили огромные карманы, сделанные Ленькой из своих портянок, полные ароматной антоновки.

Повышенный интерес к учебе он стал проявлять в седьмом классе на уроках истории. Вела их ставшая нашим классным руководителем только что окончившая институт молоденькая, очень симпатичная учительница. Невысокого роста, совсем еще девочка, чистенькая, стройненькая, со всеми доброжелательная, всегда модно и со вкусом одетая. Свой предмет она знала досконально и занятия проводила необычайно интересно. Ленька с первого же ее урока влюбился в историю и (чего уж тут греха таить) историчку, которую старшеклассники тут же стали все звать «Царевна Тамара». Она была приезжей и жила в шахтерском общежитии. У них во дворе был разбит уютный скверик. Прямо под ее окном стоял теннисный стол. Пряжа постоянно околачивался возле него. Играл в пинг-понг. Когда желающих с ним играть не было, он часами сидел на нем (обязательно с учебником истории в руках) и, как дореволюционный филер (тайный агент царской охранки), не поворачивая головы, наблюдал за окном Тамары Николаевны. Или ставил на другом конце стола щит из фанеры и часами, оглушительно-звонко бил об него пластмассовым шариком, чем доводил отдыхающих после с ночной смены здоровенных шахтеров до бешенства. Он и по шее от них получал. И ракетки они у него отнимали. Бесполезно. Дело кончилось тем, что кто-то из озверевших проходчиков вырвал теннисный стол с корнем.

Царевна Тамара была хорошей учительницей и очень красивой девушкой. И я подозреваю, что из нашей школы в нее был влюблен не один Ленька Пряхин. Ей постоянно дарили живые цветы, даже зимой.

Еще задолго до 8-го марта мы начинали обсуждать, что подарить на праздник своим девчонкам и учителям? Подарок для преподавателя истории обсуждался всегда откровенно. При этом больше всех говорил и горячился Пряжа. Он так расписывал достоинства Царевны, что сидевший по два года в каждом классе, дебильного вида парень с многообещающей фамилией Пьянов, как-то пробасил: «Да тебя послушать, твоя Тамара и в уборную не ходит!» — «Конечно, не ходит», — утвердительно кивнул Пряжа. «Святым Духом питается!» — басовито захохотал второгодник и через сжатые губы издал неприличный, прерывистый звук. Ленька поперхнулся, онемел, из его глаз брыз-

нули слезы, и он с кулаками кинулся на мордастого переростка, который был в два раза здоровее его. Мы еле-еле оттащили его от не на шутку струхнувшего урода.

Если в точных науках Ленька был твердый троечник, то на уроках труда он был круглый отличник. В школьных мастерских учитель-трудолик познакомил нас с токарным делом и после обстоятельного, подробного инструктажа предложил желающим выточить болт. Первым вызвался Пряха. Через полчаса он положил на учительский стол матово поблескивавший металлический болт с гайкой. Николай Михайлович обмерил его штангельциркулем и поставил Леньке в дневник пять с плюсом. Так же у него было и со столярным делом. За право проживать в скворечниках, которые он делал, воробьи со скворцами бились на смерть. А как-то зимой в восьмом классе он выточил из толстой металлической болванки необыкновенно красивую вазу. С виду легкую, хрупкую, но если взять ее в руки, она оказывалась неправдоподобно тяжелой. От этого неожиданного эффекта в Ленькином изделии чувствовалась какая-то глубокая тайна. Он, конечно же, хотел подарить ее Тамаре, но она отказалась и предложила поставить вазу в учительской. Пряха с большой неохотой согласился. После того случая все стали звать его Данила-мастер. Он не обижался. Ходил важный. Задумчивый. Более того, никогда раньше не отличавшийся любовью к внеклассному чтению, записался в городскую библиотеку, отыскал там и несколько раз внимательно прочитал все «Сказы» Бажова. По всему было видно — он что-то задумал. Вот только что!? Может, он собирался выточить «железный цветок»? Жаль, но об этом мы уже никогда не узнаем.

В тот год Царевна Тамара стала царицей. Вышла замуж за недавно демобилизованного с Северного флота моряка-подводника. Он работал на одной из шахт, плотно обступивших наш маленький городок, и даже был там капитаном их футбольной команды. Только вот жизнь у нее с этим футбольным мореманом не задалась. Красавец, один из лучших спортсменов Мосбасса, он производил впечатление простецкого, своего в доску парня. Но в жизни оказался жутким скрягой и страшным ревнивцем. Ревновал ее к каждому столбу. Даже в школе устраивал ей сцены ревности. Наши девчонки очень жалели Тамару и удивлялись: как такая умница, могла так ошибиться в любимом человеке?! Через полтора года они развелись.

Ленька тяжело переживал замужество Тамары Николаевны. Осунулся. Похудел. Окончив девять классов, дальше в школе учиться не стал. Забрал документы и поступил в какую-то строительную «фазанку», но и там больше трех месяцев не протянул. Зимой он навсегда уехал к одному из своих старших братьев на Крайний север.

После окончания средней школы, на выпускном вечере, Тамара Николаевна вынесла нам из учительской Ленькин кубок «Большого Орла» и мы все по очереди на счастье пили из него шампанское. Вот, только жаль, Пряхи с нами не было.

